

ИНТЕРВЬЮ

ОБ ИНТЕРВЬЮ

Путь писателя к художественному осмыслению мира через профессиональную журналистскую работу для русской литературы XIX века нельзя назвать типичным. Из больших классиков только, кажется, Чехова, да и то с натяжкой, можно отнести к писателям, вышедшим из журналистики.

Иначе обстоит дело в современной русской литературе. Очень многие видные писатели имеют за плечами журналистскую школу, и, что особенно интересно, среди них — почти вся плеяда так называемых «деревенщиков», хотя нельзя, конечно, сказать, что именно эта школа ее и сформировала. В отличие от многих западных писателей, имеющих в своей судьбе аналогичную биографическую главу (скажем, Хемингуэя), находивших способы преобразовывать в художественные формы свой опыт журналистики, наши писатели формировались скорее своим преодолением навязываемого им судьбой журналистского подхода к жизни. Изживанием его. Потому ли им приходилось это делать, что пресса в те времена была сферой особенной скованности слова, особенной его прямолинейности и омертвелости, или же причина была глубже — в самих традициях русской литературы, требовавших перевеса внутреннего над внешним, «переживания» над «представлением», исповедальности над фактографией и, следовательно, духовного разрыва с журналистикой как системой внешнего кругооборота слов и мыслей?..

Ответ на этот вопрос пусть ищут литературоведы.

Для журналистов же в любом случае встречи с писателями, имеющими личный опыт пребывания «в шкуре» репортера и интервьюера, представляют особый интерес, как профессиональный, так и чисто человеческий. Беседуя с писателями об этой специфической форме общения людей, называемой интервью, я пытался выяснить те реальные коллизии отношений, которые возникали в их собственной жизни, когда им приходилось бывать в ролях как спрашивающего, так и отвечающего¹.

Здесь воспроизводится беседа на эту тему с писателем Василием БЕЛОВЫМ

— Для начала хотелось бы узнать, Василий Иванович, какие чувства вызывает у вас этот новомодный с исторической точки зрения жанр — «интервью»?

— Прежде всего чувство неудобства. Вот начинается интервью, и я испытываю какую-то неловкость, мне стыдно. Словно какой-то духовный стриптиз про-

исходит, раздевание на глазах у публики. Что тут говорить? Я уже написал то, что думал. Что думаю, напишу. Да нет! Как с ножом к горлу, с микрофоном: «Скажи!» Скажешь, а он потрошит дальше, именно потрошит, потому что нет в нем внутреннего укорота. Есть такие. Главное для него не ты, а «информация». Он из тебя ее и выжимает, как фарш из мясорубки. Довольно неприятное ощущение... Словом, есть люди, которым нравится беседовать с журналистами, я к этим людям не принадлежу. Другое дело — с близким человеком, а ведь журналиста обычно не знаешь. Невольно, а то иной раз и вольно начинаешь маскировать собственные чувства и мысли, чтобы поберечь их, не дать в равнодушные руки. Поэтому, естественно, говоришь не все, что думаешь, а от этого, конечно, становится противно. Интервью, по-моему, — это жанр для вычислительных машин, для них — идеальный, что-то вроде этого танца «брейка для роботов. Тут уж все в порядке: вопрос — ответ, вопрос — ответ — быстро, четко, ни у кого никаких возражений и нравственных мук, благодать!

— Но ведь как читатель вы, наверное, не отвергаете жанр интервью?

— Политического, дипломатического, конечно, нет. Когда речь идет об информации, тут все ясно. Но стоит выйти за эти рамки, ухо начинает улавливать фальшь. Живой разговор всегда интереснее, когда нет разделения на только спрашивающего и только отвечающего.

— Но все-таки вы соглашаетесь иногда на интервью...

— Соглашаюсь, хотя в принципе стараюсь избегать. Что делать! Моду, например, часто выдумывают, а потом лоботрясы да пижоны, глядишь, уже все носят, уже вроде неприлично становится без «удавки» на шее. Так же и здесь — подчиняешься моде, человек по-хорошему просит, не хочется обижать. Но мода модой, а все-таки по-разному: кто-то ее обогнать стремится, кто-то за ней бегаёт, а кто-то нехотя в хвосте плетется. Вовсе ее игнорировать — это опять-таки себя выставить, лезть на глаза. Думаю, что есть мера такого принятия происходящего и мера такого принятия его, которая не противоречит здравому смыслу и приносит пользу. Душа должна о деле болеть, заботу какую-то большую нести, и тогда во всем мера эта найдется, так я думаю. Не знаю, всегда ли нахожу, но ищу-то ее всегда. То, что рок — зло, вид наркотиков, один из самых сильнодействующих и опасных — это для меня очевидно. А то, что находятя люди, которые рок принимают и оправдывают, так ведь и наркотики некоторые оправдывают, и публичные дома, и извращения. Всерьез ведь такого

¹ Из этой серии «Интервью об интервью» в «Журналисте» опубликована беседа с В. Распутным (№ 7, 1988 г.).

рода «мнения» обсуждаются на страницах некоторых популярных изданий. Тут все для меня ясно. Но есть вещи, которые говоришь, а про себя мучаешься: может быть, я не имею права это говорить? Недостойн. Не дорос, а вещаешь. Не на всякое даже и правильное суждение всякий имеет право. Интервью не может уберечь, например, от соблазна, отвечая, говорить легко то, что должно до времени лежать на сердце, отставаться там... Выговорил в какой-то банальной форме и потерял, кто знает, может, и насовсем...

— Но ведь вам, Василий Иванович, насколько я знаю, приходилось в жизни быть и «по другую сторону барьера», самому брать интервью?

— Приходилось. Я был журналистом в районной газете два с лишним года. Брал эти самые интервью. Так же испытывал чувство стыда, особенно вначале. Было неудобно, неловко, лезешь со своими вопросами к человеку и чувствуешь, что в этом есть что-то глубоко неестественное. Поэтому я невольно искал какие-то человеческие способы общения. Зачем брать интервью специально? Если завтра вы пойдете рыбу ловить, там мы поговорим по-человечески...

— Но в интервью незримо присутствует и третья сторона: читатели, которые заочно как бы входят в круг общения...

— Я думаю, что читатели будут не в проигрыше, если вы будете не брать интервью, а будет человеческое общение, а вы его потом отразите в своем материале. Это самый лучший материал, я считаю. А когда вы специально берете интервью, есть здесь какая-то нарочитость...

Вспоминаю, как я однажды использовал эту нарочитость в личных целях для облегчения общения. Был влюблен и использовал свои служебные права, и вот интересно, что тут неестественность пропала. Задавая свои дурацкие вопросы, я, может быть, впервые получил оправдание этому делу.

Журналист, для которого не существует внутренне запретных тем,— что стоит за его плечами, за его душой?

— Интервью это сохранилось у вас?

— Если бы я все хранил, пришлось бы куда-нибудь бежать от своих рукописей. Нет. Я их периодически уничтожаю, они очень хорошо горят. В печке, кстати...

Работая в газете, однажды остался один в редакции. Кто болеет, кто в отпуске. Материалов-то нет, а газета должна выйти, так что придумал себе три псевдонима... Конечно, при таких обстоятельствах без «ляпов» не обходилось... Однажды написал фельетон о краже сена. Так он начинался драматически: «Украли сено...», и дальше в том же духе шарю... Фельетон был опубликован, но там, как говорят сегодня, «оказались некоторые неточности». Бригадир колхозный, которого я обвинил, написал опровержение. Дело приняло серьезный оборот. И вот мы с редактором срочно отправились в этот колхоз, чтобы как-то пога-

сить конфликт. Машины не было, пошли пешком. Пришли в эту бригаду, собрали собрание... Бригадир свирепствует. Но закончилось все неожиданно. Я увидел: на шкафу стоит гармошка — и попросил сыграть. Заиграл, а этот бригадир вдруг вскочил и как пошел плясать. Я играл, а он плясал, и на этом конфликт был исчерпан... Сегодня, наверное, этот способ выяснения отношений между прессой и обиженными ею не подойдет?

— Я недавно делал материал о должностной мафии, так вот жалею, что не играю на гармошке...

— Ну, так тогда плясать придется! (Василий Иванович смеется.) А играть будут они... Мафия — дело серьезное. Особенно когда она имеет доступ к прессе. Одно дело, когда ошибки в материале, неточности возникают из-за спешки, а другое, когда намеренно лгут, намеренно обрубают, искажают смысл твоих слов, записывают на пленку, но оставляют случайное и второстепенное. Так, к сожалению, было со мной не раз. То, ради чего ты согласился на интервью или на какой-то материал, убирается без твоего согласия. В свое время, когда мне присудили Государственную премию, «Литературная газета» попросила меня ответить на вопросы. Я послал ответы, а там начали со мной перезваниваться: «Надо вот то сократить, это убрать». В конце концов я сказал: «Хорошо, давайте эти места уберем, раз они вам не подходят. А остальное оставьте слово в слово. Только на этих условиях я согласен на публикацию». И что же? Выходит газета, а в моем интервью самого-то главного и нет. Выбросили уже без моего ведома. Пытаюсь выяснить, кто убрал, кто отвечает за это, — ничего не мог выяснить. Написал Чаковскому письмо — бесполезно. Случались и другие подобные истории, но еще ни разу не было напечатано мое опровержение...

— Василий Иванович, а считаете ли вы этичным для журналиста что-то расспрашивать о личной жизни, о семье, о детях, о заработках — словом, о тех реальностях, которые кажутся чаще всего вполне уместными, когда журналист беседует с человеком из толпы, но, обращенные к знаменитости, сразу обретают привкус «нездорового любопытства»?

— Все зависит от личности журналиста, от его внутренней порядочности. Она не позволит ему стать инструментом «нездорового любопытства». Главное, чтобы читатель или зритель не испытал чувства неловкости за журналиста. Но если бы я был на месте ведущего, спрашивающего, я о некоторых вещах не стал бы спрашивать, зачем? А то, что сейчас кто-то от незнания или небольшого ума начинает подражать раскованности западной журналистики и у него из этого получается не раскованность, а развязность, — что об этом сказать? Тоскливо смотреть и слышать. Кстати, за границей мне ни разу не пришлось столкнуться с провокационными, грубыми вопросами, а здесь, в Москве, например, случалось... Не подражать нам надо, не копировать, все равно не получится: выйдет смешно и глупо. Глупо и дико. Вроде порнографических сцен в кино, «конкурсов красоты» и всяких «алле-парадов». Ведь стыдно же за такую «гласность»!

— Вспоминается: «огласи их словом истины!» — Возглас иерея во время литургии.

— Оглашение словом истины — серьезный процесс, требующий сосредоточенности и тишины, а не криков. Мы уже убедились многократно, какая в ней «истина», в орущей толпе. И журналистика, думаю, должна держаться не на криках и оре, не на суетливом жела-

СОЗДАДИМ ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ ТВ И РАДИО!

СЕГОДНЯ, в условиях ширящейся демократизации и гласности, возникают все новые и новые общественные объединения, защищающие наши с вами интересы. Есть общество потребителей, которое заботится о том, чтобы нам не подсовывали недоброкачественные товары. Недавно возникло общество друзей кино, которое обсуждает новые фильмы и влияет тем самым на работу киностудий. Но до сих пор мы, телезрители и радиослушатели, практически не имеем возможности влиять на содержание и уровень теле- и радиопрограмм. Мы смотрим и слушаем то, что нам предлагают, и, если передача нам не по вкусу, обычно ограничиваемся тем, что выключаем свой телевизор или радиоприемник.

Гостелерадио СССР — союзно-республиканское ведомство — является в эфире монополистом, о чем сегодня немало пишут в нашей печати. Действительно, Гостелерадио само производит продукцию, само ее оценивает и само ее рекламирует в своем еженедельнике, на экране и в радиозфире. Наши с вами отклики на передачи поступают в основном в то же ведомство, и оно распоряжается ими по своему усмотрению.

Дальше так продолжаться не может. Вот поэтому предлагаю создать Общество друзей ТВ и радио, которое станет партнером Гостелерадио СССР и своего рода общественным контролером за качеством нашего телевизионного и радиовещания. Общество будет проводить встречи, дискуссии с работниками ТВ и радио в эфире и там, где мы трудимся и живем, а, кроме того, мы с вами будем добиваться права вести и свои собственные передачи. Все это, безусловно, поможет превратить телевидение и радиовещание в нашей стране в тот «митинг миллионов», о котором говорил Ленин.

В. ОСТРОГОРСКИЙ,
член Союза журналистов СССР,
кандидат исторических наук

Москва.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Считаем предложение В. Острогорского плодотворным. Надеемся, что оно найдет поддержку не только у наших читателей, но и на страницах других изданий. Эта поддержка необходима для создания инициативных групп на местах, а затем и для организации съезда учредителей нового общества.

Итак, теперь дело за вами, товарищи!

нии еще чего-нибудь такое «разоблачить», еще где-нибудь отыскать нечто такое, чего еще у нас не было. Она должна быть сосредоточенной, по возможности глубокой, если собирается оглашать людей истиной, а не оглушать их «демократическим» ором или угодническим шепотом, лстящим их слуху: на все, мол, имеете право, что хотите, то и делайте. Разрушить вместе с ложными стереотипами оставшиеся нравственные опоры легче, когда нет времени для пауз, для серьезных раздумий. Я отрицательно отношусь к культуре, которая нашпиговывает информацией вперемешку с дешевыми удовольствиями каждый ваш час, которая отрицает паузу и измеряет время деньгами, тогда как время имеет совсем иную цену. Ощутить эту «иную цену» мне помогает литература. Но, не желая выглядеть снобом из уважения к читателю, я вынужден общаться с ним как-то иначе: давая интервью, отвечать на вопросы с эстрады... приятного я ничего при этом не испытываю. Я с удовольствием ушел бы за кулисы, но не ухожу из чувства долга (может быть, мнимого?). Противоположность всему этому для меня — одиночество и письменный стол. Я не верю в так называемые «муки слова». Настоящая работа за столом — это наслаждение, это вдохновение, а иначе зачем писать? Если нет душевного равновесия, внутренней гармонии, что хорошего можно сказать людям? Когда пишущий весь в борьбе, в азарте обличительства, муть из души, конечно же, выльется на бумагу... Для тебя, может быть, облегчение, но в мире этой мути добавится. Правда, многие именно ее и жаждут! В любой форме — вино, наркотики, рок, сенсации. Лишь бы забыть... И вот, я думаю, журналист, для которого не существует внутренне запретных тем, который умело заполняет все паузы, может обо всем любого спросить, легко перескакивать от вопроса к вопросу, легко перебрасывать микрофон от одного человека к следующему и следующему, — что стоит за его плечами, за его душой? Какую культуру он представляет?... Ответьте на этот вопрос самому себе, спокойно, трезво и, конечно, не во время интервью. В тишине... Ответите — и, может быть, профессиональные ваши задачи увидятся вам как-то по-иному?..

— Но все-таки, Василий Иванович, что-нибудь хорошее вы можете сказать о журналистах?

— Очень много! Вот однажды убежал я от телевизионщиков. Они ко мне в деревню приехали, а я в лес убежал. Отсиделся, вышел. Слава богу, уехали... Стал с машиной возиться. Лежу под машиной, смотрю: дамские ноги рядом со мной появились. Скосил глаза, делаю вид, что не замечаю. «Здрасьте!» — «Здрасьте».— «Я Маша»... Эта Маша приехала из Ленинграда в Вологду, из Вологды в Харовск, из Харовска в Азлу, из Азлы прошла пешком семь километров. Такое зло взяло, но... Так что о журналистах и журналистках я могу много чего хорошего рассказать... А если серьезно: без вдумчивой, честной журналистики где бы мы сейчас были? Тут и говорить не о чем. Дело ясное.

— Василий Иванович, последний вопрос. Вот если бы у вас была возможность побеседовать с любимым писателем, скажем, Толстым, или же альтернативный выбор — прочесть его неизвестную книгу, вы предпочли бы...

— Книгу. Конечно, книгу! Капуста в бороде писателя мне не интересна. Встретившись, писателя увидишь всего лишь одним каким-нибудь боком. А в книге он весь.

Беседу вел Валерий ДЕМИН.